

О гении

Чрезвычайная способность к тому виду познания, который я описал в двух предшествующих главах и из которого проистекают все истинные произведения искусств, поэзии и даже философии, — вот что собственно называется гениальностью. А так как она, эта способность, имеет своим объектом платоновы *идеи*, последние же воспринимаются не *in abstracto*, а лишь наглядно, то сущность гения

должна заключаться в совершенстве и энергии *наглядного* познания. Вот почему гениальными произведениями решительнее всего называют такие, которые непосредственно исходят из интуиции и на интуицию рассчитаны, — т.е. произведения изобразительных искусств, а затем поэзию, которая свои интуиции передает через посредство фантазии. И здесь уже заметна разница между гением и обыкновенным талантом: последний, это — преимущество, которое скорее заключается в большей тонкости и остроте дискурсивного, чем интуитивного познания. Талантливый человек дума-

ет быстрее и правильнее других; гениальный же человек видит иной мир, нежели все остальные, хотя видит он его только потому, что глубже погружается в мир, лежащий и перед ними, так как в его голове последний рисуется объективнее, т.е. чище и явственнее.

Интеллект, по своему назначению, только среда мотивов; поэтому на первых порах он не воспринимает в предметах ничего другого, кроме их отношений к воле, — отношений прямых, косвенных, возможных. У животных, где дальше прямых отношений дело почти не заходит, указанная роль интеллекта очевиднее

всего: то, что не имеет отношения к их воле, для них не существует. Оттого мы и видим иногда с изумлением, что даже умные животные совсем не замечают чего-нибудь бросающегося в глаза, — например, не обнаруживают никакого удивления при явных переменах в нашей личности или в окружающей обстановке. У нормального человека сюда соединяются еще косвенные и, даже возможные, только отношения к воле, сумма которых и составляет совокупность полезных для него знаний, — но и здесь познание не выходит за пределы *отношений*. Вот почему в нормальной голове и не

может возникнуть совершенно объективный образ вещей, ибо ее интуитивная сила, если только её не поощряет и не приводит в движение воля, сейчас же утомляется и перестает работать, не имея достаточно энергии для того, чтобы собственной эластичностью и бесцельно отдаться чисто-объективному восприятию мира. Там же, где это случается, где представляющая сила мозга дает такой избыток, что бесцельно возникает чистый, явственный, объективный образ внешнего мира, который (образ) для целой воли бесполезен, а на высших ступенях своего развития даже мешает ей и может стать